

ЗНАК, ЗНАНИЕ, СХЕМА: РАЗЛИЧЕНИЕ, ДЕМАРКАЦИЯ, ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ

В.М. Розин

Институт философии РАН
rozinvm@mail.ru

В статье строится понятие «схема» и анализируются функции схем (они задают новую реальность, определяют деятельность, описывают объекты). Обсуждается, как схемы связаны со знаниями и знаками. В частности, показывается, что необходимым условием формирования знаков и знаний выступают схемы. И наоборот, поскольку значения знаков указывают на определенную реальность, они могут использоваться при формировании новых схем.

Ключевые слова: знак, знание, схема, объект, замещение, реальность, становление, семиотика, схемология.

От семиотики к схемологии

Идею семиотики, как известно, высказал Ф. де Соссюр, но новую дисциплину он предлагал называть не семиотикой, а «семиологией»: «Можно вообразить, – писал он, – науку, изучающую функционирование знаков в общественной жизни <...> назовем ее семиологией (от греческого σημῶν - знак). Эта наука могла бы рассказать нам, что такое знаки и какие законы ими управляют <...> Лингвистика только часть этой общей науки, законы, открытые семиологией, будут приложимы к лингвистике, и таким образом лингвистика обретет свое вполне определенное место в ряду человеческих деяний»¹. «Но Барт, – говорит Эко, – перевернул соссюровское определение, трактуя семиологию как некую транслингвистику, которая изучает знаковые системы как сводимые к законам языка. В связи с этим счита-

ется, что тот, кто стремится изучать знаковые системы независимо от лингвистики (как мы в этой книге) должен называться семиотиком»². Эко предлагает вернуться к первоначальному смыслу термина Ф. де Соссюра. «Мы, – пишет он, – будем именовать “семиологией” общую теорию исследования феноменов коммуникации, рассматриваемых как построение сообщений на основе конвенциональных кодов, или знаковых систем; и мы будем именовать “семиотиками” отдельные системы знаков в той мере, в которой они отдельные и, стало быть, формализованы (выделены в качестве таковых или поддаются формализации, внезапно появляясь там, где о кодах и не помышляли)»³.

Однако, что Эко понимает, говоря о коммуникации. С одной стороны, коммуникация в трактовке Эко – это схема, на основе которой осмысливается именно семиотически понятый язык. Об этом свидетельствует

¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб, 1998. – С. 385.

² Там же, с. 385, 386.

³ Там же, с. 386.

исходное определение «коммуникативной модели», которая задает известную структуру, содержащую такие основные элементы, как «отправитель», «адресат», «сообщение», «код»⁴. С другой, коммуникация как-то связана с практиками и культурой. Заканчивая свою книгу, Эко пишет следующее: «Коммуникация охватывает всю сферу практической деятельности в том смысле, что сама практика – это глобальная коммуникация, утверждающая культуру и, стало быть, общественные отношения»⁵. Означает ли сказанное, что практика – это исключительно коммуникация? Если да, то с этим трудно согласиться. Если нет, то не получается ли опять, что коммуникация – это именно языковой аспект действительности? Тогда вариант семиотики Эко представляет собой опять же лишь одно из расширений существующих предметов, в данном случае лингвистики, искусствознания и теории массовой коммуникации.

По поводу же понимания распространенной в лингвистике коммуникации очень верное замечание делает Н.С. Автономова, обсуждая позицию М.М. Бахтина: «Как известно, М.М. Бахтин критиковал структуралистов и семиотиков за то, что они в основном занимаются передачей готового сообщения с помощью установленного кода, тогда как в живой речи сообщение впервые создается в процессе передачи «и никакого кода в сущности нет»⁶.

Если же все-таки исследователь стоит на своем, утверждая, что коды существуют и определяют функционирование языка, то он сталкивается со сложными проблемами, как, например, тот же Эко. Для того чтобы

понять семиотическую природу иконического знака, искусства, дизайна, архитектуры, рекламы, Эко расширяет понятие кода, добавляя к нему еще два – *риторики* и *идеологии* (они задают для кода контексты). Однако при этом ему пришлось очень расширить понятие кода. Действительно, код, по Эко, – это и то, что задает систему *константных общепризнанных* значений, и систему *локальных, частных* значений (так называемый, «лексикод»), и значения «произведения искусств» (Эко называет такой специфический код «идеолектом»), и «слабые коды», когда в зависимости от контекста и установок субъекта постоянно меняются значения; одновременно, код понимается как семиотический метод анализа структур и как сама семиотическая структура, но часто и как структура восприятия⁷. При таком расширительном понимании кода Эко вынужден постоянно фиксировать парадоксы. Например, обсуждая идеолект произведения искусства, он пишет: «Так, произведение безостановочно преобразует денотации в коннотации, заставляя значения играть роль означающих новых означаемых <...> Тут-то и возникают две проблемы, которые можно рассматривать порознь, и в тоже время они тесно связаны между собой:

а) эстетическая информация – это опыт такой коммуникации, который не поддается ни количественному исчислению, ни структурной систематизации;

б) и все же за этим опытом стоит что-то такое, что несомненно должно обладать структурой, причем на всех уровнях, иначе это была бы не коммуникация, но чисто рефлекторная реакция на стимул»⁸.

И подобными парадоксами полна вся книга Эко. Не означает ли это, что столь

⁴ Там же, с. 35–77.

⁵ Там же, с. 416.

⁶ Автономова Н.С. Лотман, переходящий а память // Юрий Михайлович Лотман. / Под ред. В.К. Кантора. – М., 2009. – С. 364–365.

⁷ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – С. 45–48, 56–60, 84–88, 121–123, 253.

⁸ Там же, – с. 85–86.

широкое понятие кода неоперативно и внутренне противоречиво?

Даже понятие иконического знака для Эко является проблемой. «Иконическая синтагма, – пишет он, – зависит от столь сложных контекстуальных отношений, что в ней трудно отделить смыслоразличительные признаки от факультативных вариантов <...> мы сталкиваемся с вереницей идеологетов, одни более общепринятые, другие очень редки; в них факультативные варианты безусловно доминируют над смыслоразличителями, а точнее, в которых факультативные варианты обретают статус смыслоразличительных признаков, а последние превращаются в факультативные варианты в зависимости от того, какой код избирает рисовальщик, не стесняющийся разрушать прежний код и на его обломках выстраивать новый. И вот в этом смысле иконические коды, если они вправду есть, являются слабыми кодами»⁹. Характерна фраза «если они вправду есть», поскольку код, характеризующий иконический знак, приобретает в описании Эко столь странные свойства, что это уже как бы и не код. Код все-таки – это система определенных *константных* значений, а слабый код задает меняющиеся ансамбли непрерывно изменяющихся значений. Впрочем, возникает еще одно сомнение. Эко при анализе иконического знака использует материал современного искусства, если даже не авангардного. Если бы он взял другой материал, например, художественное искусство древних народов (египтян, вавилонян, индусов, китайцев, народов майя и др.) или же реалистическую живопись XVII–XVIII вв., то в этом случае ему пришлось бы признать за иконическими знаками искусства как раз сильные коды, поскольку это искусство создавалось и про-

читывалось на основе *константной* системы значений¹⁰.

«Главный вопрос семиологии визуальных коммуникаций, – пишет в другом месте Эко, – заключается в том, чтобы уразуметь, как получается так, что не имеющий ни одного общего материального элемента с вещами графический и фотографический знак может быть сходным с вещами, оказываясь похожим на вещи»¹¹. Впрочем, нужно заметить, что подобный же вопрос можно задать относительно любых типов знаков: каким образом, например, произвольная линия, фото или слово могут отсылать нас к вещам и состояниям, не имеющих с последними ничего общего? И не более ли осмысленно действуют совсем маленькие дети или аборигены, когда они отказываются видеть (реально не видят) в рисунке и фото изображенный предмет? Конечно, Эко разрешает поставленную им самим проблему, но становится ли от этого понятнее, что такое иконический знак? «Итак, – пишет он, – иконический знак представляет собой модель отношений между графическими феноменами, изоморфную той модели перцептивных отношений, которую мы выстраиваем, когда узнаем или припоминаем какой-то объект. Если иконический знак и обладает общими с чем-то свойствами, то не с объектом, а со структурой его восприятия»¹². Это определение вызывает массу вопросов, например, стало ли нам понятнее от замены сходства на изоморфизм, почему семиотические понятия Эко заменяет математическими и психологическими (остаемся ли мы в этом случае в семиотике?), не впадаем ли мы тогда в

¹⁰ Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. – Изд. 4. – М., 2008.

¹¹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – С. 127.

¹² Там же, с. 135.

⁹ Там же, с. 137, 138.

психологизм и субъективизм (мало ли какое восприятие у того или иного человека) и прочее.

В своих семиотических исследованиях я тоже столкнулся с подобной же проблемой и примерно в тех же областях семиотического объяснения искусства, дизайна, сновидений, игры, общения и т.п. Довольно долго я пытался понять эти явления в рамках учения о знаках (т.е. семиотики), но понял, что эта стратегия исследования тупиковая. В конце концов для объяснения перечисленных здесь явлений я обратился к понятию «схема» (дисциплину, изучающую схемы, я предлагаю назвать «схемологией»¹³). Примерами схемы является схема метро, нарративные описания архаической души (в переводе они выглядят примерно так: *его душа отправилась к берегам реки смерти, но не была принята и вернулась ожить снова его тело*), или схема андрогина (двухполого существа, которого Зевс рассек пополам) в платоновском «Пире». С одной стороны, схемы – это вроде бы семиотические образования (они представляют, схематизируют, определенные предметы, отличные от них самих). С другой стороны, схемы – это не отдельные знаки и даже не системы знаков, а самостоятельные предметы. Что объединяет знаки и схемы? Главным образом, *метод семиотической реконструкции*. Его состав таков:

- реконструкция «ситуаций разрыва» или «витальных катастроф» (т.е. социально значимых проблем и затруднений);
- предположение о том, что эти ситуации и катастрофы разрешаются за счет *изобретения и употребления новых* знаков или схем;
- реконструкция формирования этих новаций, анализ их строения;

¹³ Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, науке, проектировании, культуре. – М., 2011.

- анализ процессов переноса свойств с объектов на знаки (схемы) и обратно, а также образования «вторичных предметов»;
- анализ возможных линий развития новых знаков и схем¹⁴.

Знаки и знание

Знание и соответствующее видение действительности не тождественно знаку. Семиотический процесс является операциональной несущей основой знания. Другими словами, чтобы получить знание, необходимы замещение, означение и действия со знаками. Но знание возникает как бы перпендикулярно, при условии своеобразного *удвоения действительности*. В сознании человека, получающего и понимающего знание, под влиянием требований коммуникации (например, необходимости при отсутствии предмета сообщить о нем другим членам общества) предмет начинает существовать двояко: и сам по себе, и как представленный в семиотической форме (слове, рисунке и т.п.). Знание «слон» фиксирует не только представление о слоне, сложившееся в обычной практике, но и *представление о слоне, неотделимое от слова «слон»*. В обычном сознании эти два представления сливаются в одно целое знание, но в контексте общения (коммуникации) и деятельности они расходятся и выполняют разные функции. Так, именно второе представление позволяет транслировать знание и действовать с ним как с самостоятельным объектом, в то же время первое представление – необходимое условие формирования и опознания означаемого предмета.

«Приступая теперь к исследованию о знаках», – пишет один из первых семио-

¹⁴ Розин В.М. Семиотические исследования. – С. 122–123.

тиков св. Августин, – я говорю наоборот: пусть никто в них не обращает внимание на то, что [вещи] есть, а только на то, что они суть знаки, т.е. что они означают. Ибо знак есть вещь, которая воздействует на чувства, помимо вида (species), заставляя приходить на ум нечто иное <...> И у нас только одна причина для обозначения, т.е. для придания знака – вынуть и перенести в душу другого то, что производит в душе то, что создает знак»¹⁵.

Здесь, как мы видим, двойное понимание: с одной стороны, знак – это то, что «заставляет приходить на ум нечто иное», с другой – то, что «переносится в душу другого», т.е. знание. Указанное здесь представление о знании (схема знания) в той или иной форме осознавалось многими философами. Например, Аристотель фиксировал различие знания и объекта, причем содержание знания в его системе часто совпадает с сущностью объекта. Кант говорил о созерцании. «Каким бы образом и при помощи каких бы средств, – пишет Кант, – ни относилось познание к предметам, во всяком случае, созерцание есть именно тот способ, каким познание непосредственно относится к ним и к которому как к средству стремится всякое мышление»¹⁶.

Почему мышление ставится в зависимость от созерцания? А потому, что в знании одно представление фиксируется (отражается) в другом. Мышление, рассматриваемое в качестве способа получения знаний, т.е. познания, и определяется как способность отражения (описания) предмета, как созерцание. Другими словами, о знании мы говорим не только в контексте комму-

никации, но и познания, для знака же познавательная деятельность не обязательна. Вот почему я утверждаю, что знание, хотя и возникает на семиотической основе, к знакам не сводится. Замещения, означения, трансляция знаков и другие действия со знаками создают в сознании условия для поляризации целостного представления о предмете: одно из них осознается как знание, второе как объект знания или его содержание.

Именно знания являются тем, что для человека задает видение действительности. В свою очередь, получение знания, как уже говорилось, предполагает семиотический процесс (изобретение знаков, означение, действия со знаками). Уже в процессе становления человека, одной из предпосылок которого выступали сообщества человекообразных обезьян, имеющих сильную власть вожака и развитую сигнальную систему, складывается поведение, суть которого представляло коллективное проживание воображаемых событий, заданных знаками. Развитая форма подобного семиотического освоения действительности неплохо просматривается в первой культуре – архаической. Вот один характерный пример – архаическое понимание затмения.

«На языке тупи, – пишет Э.Тейлор, – солнечное затмение выражается словами: “ягуар съел солнце”. Полный смысл этой фразы до сих пор обнаруживается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи. На северном материке некоторые дикари верили также в огромную пожирающую солнце собаку, а другие пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них. Но рядом с этими преобладающими понятиями существуют еще

¹⁵ Антология средневековой мысли. // Соч. – Т. 1. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 66–67.

¹⁶ Кант Критика чистого разума. // Соч.: в 6 т. Т. 3. – М., 1964. – С. 127.

и другие. Караибы, например, представляли себе затмившуюся луну голодной, больной или умирающей < ... > Гуроны считали луну больной и совершали свое обычное шаривари со стрельбой и воем собак для ее исцеления¹⁷.

Обратим внимание, архаические люди в данном случае действуют так, как будто они реально видят «ягуара». Но ведь его нет. Что значит, нет. Нет в физическом смысле, с точки зрения естественнонаучной реальности, о которой дикари ничего не знают. Но «ягуар» задан языком, точнее «схемой», и в этом смысле он существует в сознании архаического человека как *психическая и семиотическая реальность*.

Знаки и схемы

Говоря о знаках, мы употребляем два ключевых слова «обозначение» и «замещение», например, некоторое число как знак обозначает то-то (скажем, совокупность предметов), замещает такой-то предмет (эту совокупность) в плане количества. У схемы другие ключевые слова – «описание», «средство» (средство организации деятельности и понимания), «образ предмета». Например, мы говорим, что схема метро описывает пересадки и маршруты движения, помогает понять, как человеку эффективно действовать в метрополитене; именно схема метрополитена задает для нас образ метро как целого.

В Московском методологическом кружке, откуда вышел автор, представление о знаке вводилось, чтобы объяснить, каким образом человек преодолевает «ситуацию разрыва». Когда он по какой-либо причине не мог действовать с объектом, то изобре-

тал знак, замещал объект знаком и действовал с последним вместо объекта. Именно по этой логике я смог объяснить природу и происхождение чисел древнего мира, изображения людей и животных, использовавшихся в доисторические времена охотниками для тренировки, и ряд других случаев. Попробовал я таким же образом (в середине 1960-х годов) объяснить и формирование представлений об архаической душе.

С семиотической точки зрения, душа это сложный тип знака, который я назвал «знаком-выделения»¹⁸. Его изобретение, как я старался показать, позволило архаическому человеку осмыслить (конституировать, поэтому знак «выделения») явления смерти, обморока, сновидений, появление зверей и людей, созданных с помощью рисунка. И не только осмыслить, что не менее существенно, создать новые практики. Строение души как знака задается, с одной стороны, семантически (душа – это жизнь, т.е. кто имеет душу, тот и живой; душа живет в домике, откуда может выходить и куда может возвращаться; душа никогда не умирает), с другой – операциями.

Первая операция с душой как знаком – «уход навсегда души из тела». При отнесении к объекту (человеку, животному) эта операция осмысляется как смерть. На основе подобного понимания формируется и соответствующая архаическая практика захоронения, понимаемая древним человеком как создание (постройка) для души нового дома. В этот дом (могилу), что известно из археологических раскопок, человек клал все, что нужно было душе для продолжения на новом месте полноценной жизни, – еду, оружие, утварь, одежду и т.д. (позднее богатые люди могли позволить себе унести

¹⁷ Тейлор Э. Первобытная культура. – М., 1939. – С. 228.

¹⁸ Розин В.М. Семиотические исследования. – С. 65.

с собой в тот мир лошадей, рабов, даже любимую жену).

Вторая операция – «временный уход души из тела» – осмыслялась как болезнь. На основе этой операции складывается архаическая практика врачевания (лечения), представляющая собой различные приемы воздействия на душу (уговоры души, преподнесение ей подарков жертвы, создание условий, которые она любит, – тепло, холод, влажность, действие трав и т.д.) с целью заставить ее вернуться в тело. Возвращение души в тело, понимаемое как «выздоровление», – это фактически обратная операция с душой как знаком по сравнению с прямой – временным уходом души. Древнее врачевание предполагало отслеживание и запоминание природных эффектов и комбинирование ряда практических действий, приводящих к таким эффектам. Другими словами складывалась настоящая техника врачевания. Но, естественно, понималась она в рамках анимистического мироощущения.

Третья операция приход в тело человека во время сна другой души (или путешествие собственной души вне тела в период сна) – определила такое представление как сновидение. Соответственно, обратная операция задала смысл пробуждения, выхода из сновидения. На основе этого формируется практика толкования сновидений, понимаемая как свидетельства души.

Четвертая операция, точнее две группы операций, имеющих исключительно важное значение для архаической культуры, – это, во-первых, вызывание души, предъявление ее зрению или слуху, во-вторых, обращение к душе, общение с ней, что достигалось с помощью средств древнего искусства (рисование, пение, игра на инструментах, изготовление масок и скульптурных фигур и т. д.) В рамках этой практи-

ки формируется как специальная техника (например, изготовление музыкальных инструментов и масок, орудий и материалов для живописи и скульптуры), так и сложные технологии древнего искусства (рисование, танец, изготовление скульптур и т.д.).

Если сначала я трактовал представление о душе как «знак-выделения», то потом стал рассматривать его и как «схему». Представление об архаической душе является примером первых схем. Поскольку человек еще не осознает природу схем и не строит их сознательно, лучше подобные семиотические образования назвать «квазисхемами» или «образно-смысловыми синкретами». Квазисхемы в архаической культуре (и в значительной степени и в последующих) задают сразу три грани явления: языковое выражение (нужно было изобрести сам нарратив, например, «ягуар съел солнце» или «луна умирает»), понимание того, что происходит (диск солнца уменьшается, потому что его съедает ягуар), наконец, уяснение того, что надо делать (отгонять ягуара; а там и, глядишь, скоро затмение прекращается, ягуар отпускает солнце; т.е. архаический человек убеждался в эффективности своего понимания). Этот синкретизм трех образований – языка, коммуникации и деятельности, очевидно, выступает условием разрешения проблем, с которой периодически сталкивались архаические племена (например, когда начиналось затмение, они испытывали ужас и не знали, что делать).

Схему я определяю таким образом: это двухслойное предметное образование, где один слой (например, образ ягуара) замещает другой (то, что происходит с солнцем). Схемы выполняют несколько функций: *помогают понять происходящее, организуют и переорганизуют деятельность человека, собирают смыслы, до этого никак не связанные между собой,*

способствуют выявлению новой реальности. Необходимым условием формирования схем является *означение*, т.е. замещение в языке одних представлений другими. Однако главное в схемах не возможность действовать вместо обозначаемого объекта, а задавать новое видение и организовывать деятельность. Если мы делаем акцент на новом видении, то знаковая функция схемы выступает только как условие схематизации.

Первые схемы появляются только в античной культуре. В «Пире» Платон вполне сознательно строит схемы и на их основе дает различные определения любви. Вот пример одной из них. Устами одного из участников диалога Аристофана Платон излагает правдоподобный миф о происхождении людей разного пола из монстров-андрогинов, существ, соединявших в себе признаки мужского и женского полов. У андрогинов было три пола: мужской, женский и смешанный. Зевс и Аполлон рассекли андрогинов пополам.

«Итак, – говорит Аристофан, – каждый из нас – это половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины (андрогина женского пола. *В.Р.*), к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи

дольками существа мужского пола, они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и юношей, ибо они от природы самые мужественные»¹⁹.

Откуда, спрашивается, Платон извлекает новое знание о любви? Он не может изучать (созерцать) объект, ведь платонической любви в культуре еще не было, а обычное понимание любви было прямо противоположно платоновскому. Платон утверждал, что любовь – это забота о себе каждого отдельного человека, а народное – понимание языком мифа гласило, что любовь от человека не зависит (она возникает, когда Эрот поражает человека своей золотой стрелой); Платон приписывает любви разумное начало, а народное – только страсть; Платон рассматривает любовь как духовное занятие, а народ – преимущественно как телесное и т. п. Новое знание Платон получает именно из схемы, очевидно, *он ее так и создает, чтобы получить такое знание*. Однако относит Платон это знание, предварительно модифицировав его (здесь и потребовалось отождествление), не к схеме, а к объекту рассуждения, в данном случае, к любви. То же самое можно утверждать и относительно других платоновских схем. Интересно, что Платон обсуждает и саму природу таких странных построений. В «Тиме» мы встречаем такой текст.

«Но в каждом рассуждении, – пишет Платон, – важно избрать сообразное с природой начало. Поэтому относительно изображения и прообраза надо принять вот какое различие: слово о каждом из них сродни тому предмету, который оно изъясняет. О непреложном, устойчивом и мысли-

¹⁹ Платон. Пир // Соч.: в 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – С. 100, 107, 111.

мом предмете и слово должно быть непреложным и устойчивым; в той мере, в какой оно может обладать неопровержимостью и бесспорностью, ни одно из этих свойств не может отсутствовать. Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере. А потому не удивляйся, Сократ, что мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего»²⁰.

«Правдоподобным мифом» («схемой», кстати, именно Платон, как показывает А.Ф. Лосев, и вводит это понятие) великий греческий философ называет повествование, которое в сравнении с истинным, по сути, божественным знанием, выступает как знание, хотя и не совсем полное и лишь отчасти непротиворечивое, но все же, как пишет Платон, не хуже, чем «любое другое». Мысль Платона, как мы видим, разворачивается в двухчастном пространстве знания подлинного бытия, где слово должно быть непреложным и устойчивым, и правдоподобного знания, которое является не совсем точным и только отчасти непротиворечивым, но не хуже любого другого знания. Различая эти два типа знания и начала, Платон, тем не менее, не считает, что прав-

доподобный миф задает иллюзорную реальность; мифологическая реальность, конечно, не столь истинна, как мир идей, но все же, как пишет Платон, «правдоподобна».

Схемы, в отличие от квазисхем, строятся сознательно и отрефлексированы, естественно в той форме, которая доступна соответствующему времени. Анализ «Пира» показывает, что схемы не только позволяют получить новые знания и задают новую реальность любви, но и по-новому организуют жизнедеятельность человека. Он теперь не ждет, пока у него возникнет страсть неизвестно к кому, поскольку так захотели боги любви, а ищет свою половину (для этого, кстати, нужно понять, кто ты есть сам), «вынашивает духовные плоды», стремится к прекрасному, благу и бессмертию. При построении схем Платону приходится преодолевать непонимание слушателей, пересматривать и уточнять схемы с тем, чтобы они выглядели убедительными. Судя по всему, Платон ориентируется, прежде всего, на тех продвинутых членов античного полиса, которые почувствовали себя *личностями* (античная личность, которая складывается в этот период, – это человек, переходящий к самостоятельному поведению, сам выстраивающий свою жизнь).

Схемы как самостоятельные предметы и реальность, переключающая значения знаков

Вот как Августин определяет знак: «Пусть никто в них не обращает внимание на то, что [вещи] есть, а только на то, что они суть знаки, т.е. что они означают. Ибо знак есть вещь, которая воздействует на чувства, помимо вида (*species*), заставляя

²⁰ Платон. Тимей // Соч.: в 4 т. – Т. 3. – М., 1994. – С. 433.

приходить на ум нечто иное»²¹. Т.е. знаки не воспринимаются человеком как самостоятельные предметы («вещи»), они наши средства решения задач, общения и коммуникации, их задача – указать на другой предмет («нечто иное») или заместить его. Напротив, схема – это самостоятельный предмет, хотя этот предмет, именно как схема, относится к другому предмету, описывает его. Например, ягуар, поедающий солнце, существует для аборигенов сам по себе, хотя он и относится к затмевающему солнцу. Андрогинны – это тоже самостоятельная реальность, хотя их половинки относятся к влюбленным.

Но мало того, схемы как самостоятельные предметы задают реальность, в рамках которой мы понимаем значения знаков. Рассмотрим, например, как мы толкуем наши сновидения. Само сновидение – это сложное семиотическое построение (сложный знак), но, спрашивается, что он означает? Архаические люди считали, что сон – это путешествие души во время сна, такова была их схема. С точки зрения реальности, которую она задавала, сновидения – это «рассказ» (воспоминание) души о ее путешествии. В культуре древних царств (Египет, Вавилон, Индия, Китай) сновидение выступало как свидетельство, текст, направляемый человеку Богом (чаще всего «личным богом» или «личной богиней»). Поэтому в большинстве случаев сновидения были вещими или императивными. Но сохранялось и архаическое понимание: страшные сновидения вызываются демонами, которые входят в тело человека.

В античности человек впервые пытается дать сновидениям рациональную трактовку. В «Метаморфозах» Апулея один из

героев говорит: «Не тревожься, моя хозяйка, и не пугайся пустых призраков сна. Не говоря уж о том, что образы дневного сна считаются ложными, но и ночные сновидения иногда предвещают обратное»²². Тем не менее сохраняется и прежнее понимание сновидений как свидетельств, посланий богов, которые нужно истолковать (на то и оракулы). В средние века люди различали сновидения вещие, как послание богов или ангелов, и «несерьезные» (от переполненного желудка, суетности, «плотских желаний или игры духа»). Если для Павлова сновидения – хаотическая деятельность клеток головного мозга, процесс побочный, то Фрейд наделял их важной охранительной функцией. Он считал, что мысли и желания человека постоянно стремятся из бессознательной «инстанции психики» в «сознательную», но на их пути стоит подсознательная инстанция, осуществляющая функцию цензуры и критики. У сонного человека действие цензуры и критики ослабевает, и в сознание проникают те мысли и желания, которые в бодрствующем состоянии были подавлены, не осуществлены. Попав в сознание, неудовлетворенные бессознательные желания удовлетворяются, проживаются, и этот процесс образует сновидение. Мишель Фуко говорил, что сон проявляет «свободу человека в его оригинальнейшей форме, здесь субъект сновидения, его первое лицо, есть само целостное сновидение»²³. Федор Михайлович Достоевский в «Преступлении и наказании» писал, что «сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью.

²² Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. – М.: Изд. СО РАН, 1960. – С. 167.

²³ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 122.

²¹ Августин А. Антология средневековой мысли. – Т. 1. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 66–67.

Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны и с такими тонкими, неожиданными, но художественно соответствующими всей полноте картины подробностями, что их и не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев». Марина Цветаева в письме к Саломее Андронниковой поэтически и парадоксально заостряет свое отношение к сну, говоря, что сон её любимый вид общения, сон – это она на полной свободе (неизбежности), тот воздух, который ей необходим, чтобы дышать, только во сне она подлинная.

Другими словами, за каждой из приведенных трактовок сновидения свои схемы, а, следовательно, и разные соответствующие значения сновидений как сложного знака. Правда, здесь значение нужно понимать не только лингвистически и семиотически, например, как константную структуру (У. Эко), но и психологически и социально. Значения знаков складываются, становятся в рамках социального внушения и понимания как *процесс принятия новой реальности*. Новое значение «ягуара» в качестве гигантского небесного духа, могущего нападать на солнце или луну, появляется именно в результате социального внушения, подкрепленного удачной практикой (понятно, что надо делать, и затмение в результате прекращается).

Но задание новой реальности – это как раз одна из основных функций схем. Получается, что необходимым условием формирования знаков выступают схемы. И наоборот, поскольку значение знаков указывают на определенную реальность,

они могут использоваться при формировании новых схем. Чтобы создать схему андрогинов, Платон замещает влюбленных половинками андрогинов (т.е. в данном случае последние знаки), в свою очередь, схема андрогина позволила задать новую реальность и значение «любви». Так попеременно, «опираясь» то на знаки, то на схемы, и разворачивается в культуре семиозис.

Литература

Автономова Н.С. Лотман, переходящий а память // Юрий Михайлович Лотман. Под ред. В.К. Кантора. / Н.С. Автономова. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 338–369.

Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. – Т. 1. / Под ред. С.С. Неретиной; сост. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлака / Содержание: Августин Блаженный. – СПб.: РХГИ, 2001. – 539 с.

Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – 435 с.

Кант. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 695 с.

Платон. Пир // Соч.: в 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.

Платон. Тимей // Соч.: в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.

Розин В.М. Семиотические исследования. – М.: Per Se; СПб.: Унив. кн., 2001. – 252 с.

Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, науке, проектировании, культуре. – М., 2011.

Тейлор Э. Первобытная культура. – М.: Изд-во: Социально-экономическое, 1939. – 566 с.

Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 48–56.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. / Умберто Эко; пер. с итал. Резник В.Г., Погоняйло А.Г. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.